

Прохоров Алексей

Тишина

12+

Алексей Валерьевич Прохоров

Тишина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57392164

SelfPub; 2020

Аннотация

С будничной суеты и ежедневно утомляющей однообразности, практически с первых же строк Вы попадете в мир, кардинально отличающийся от Вашего сегодняшнего состояния "работа-дом". Вместе с героем, за короткий промежуток времени Вы испытаете "коктейль" различных эмоций и переживаний, и, возможно, дадите себе самому пару ответов на вопросы – которые уже, возможно (как Вам кажется), стали не актуальными.

Что такое жизнь, любовь, свобода?.. Иногда на скучных собеседованиях, различных "интеллектуальных" мероприятиях мы можем услышать подобные вопросы. Лично меня они всегда застают врасплох, и, в случае, если я на собеседовании, его я своим вдумчивым молчанием после таких вопросов в основном проваливаю.

Стояло субботнее февральское утро, сопки в снегу, под белым полотном спрятана земля вместе с деревьями, злой воздух сковывает легкие, такое ощущение, что еще немного и мои ребра вывернутся на изнанку, но это лишь первые ощущения неопытного организма. Лес зимой особенно ценен для меня. Казалось бы, когда ты в пути всё однообразно, от сопротивления дыхания с безжалостным воздухом заледенели глаза и желание лишь одно – вырваться отсюда и встречаться со всем этим лишь в воспоминаниях, поправляясь горячим травяным чаем, укрывшись теплым пледом. Но стоит лишь остановиться, замереть на месте, и всё это однообразие тает на глазах, ты понимаешь, что попал в самое сердце благородного, немного грубого, но справедливого места на планете земля. Оставив движения позади, помимо биения своего сердца можно услышать тысячи разных звуков, как ветер играет со снегом, как мудрые деревья, качаясь, как бы между прочим приветствуют тебя, а пение птиц зимой – в нем ты услышать сможешь разные напевы, они играют так, как будто нот не семь, а больше пятидесяти. Конечно, о са-

мом главным не стоит забывать, когда отправляешься в поход зимой, как сделал это я – нельзя шутить с морозом, с каждым часом, предательски одолевавшим меня. Солнце, в феврале практически лишённое полномочий, скоротечно капитулировало. Темнело, в голове моей сидела лишь одна мысль – паниковать нельзя, горло, от лютого мороза испытывало такое болезненное ощущение, как будто я проглотил горсть жутко острых, маленьких лезвиеобразных сосуль. Чувство голода уже перешло в стадию отторжения, и любые мысли о еде приводили к тошноте, пальцы на руках от холода ужасно болели, про существование нижней части тела я вообще позабыл, единственное, что я чувствовал – это приятная боль в области щек, после жуткого онемения. Я понимал, что еще немного и я отморожу и лицо, и вообще абсолютно все, но поделаться ничего не могу, тело мое в тот момент могло только нести меня вперед, и даже небольшая провизия, находящаяся в рюкзаке, не спасла бы меня – я, как минимум, не смог бы даже снять его со спины.

Темнело невероятно быстро, тогда мне казалось – мимолетно и ничего быстрее в своей жизни я не наблюдал. В голове моей теснились мысли о покое, отчаянии, смирении, а тело словно поймало второе дыхание и стремилось спасти нас обоих. Одно радовало – если и предамся земле, то случится это в моем родном крае, который не прощает ошибок и юношеской дерзости, а вот у тела моего на этот счет было другое мнение, оно безмолвно стремилось вперед, невзирая

на темень и отчаяние.

Наткнувшись на что-то большое, относительно размеров человеческих, я понял, что не все так уж плохо. Это был дом. Точнее это была старая, на первый взгляд заброшенная, но точно охотничья изба. Ранее я читал про такие и знал заранее, что спасен! Охотничий быт, психология рассчитаны на то, чтобы спасти друг друга или, как минимум, помочь в трудной ситуации. Как выглядит избышка снаружи, сказать сложно, так как вся укутана в белое одеяльце из снега. Как и все избы такого типа, она была не заперта – иное противоречит охотничьей этике – поэтому я без труда попал внутрь. Наличие печки не могло меня не обрадовать, а также расколотые под ней поленца под розжиг и спички, лежащие на столике. Как вы догадались, я без особого труда растопил печь, хоть и думал, что не в состоянии своими руками даже шевелить, но адреналин и желание выжить сделали свое дело.

Спустя примерно двадцать минут печь зашептала, мое обмороженное тельце закололо миллионами маленьких иголок. Это была боль, но учитывая, что со мной приключилось около тридцати минут назад, боль эта была приятной. Сознание так и твердило, – "Я же говорил не паниковать!"

Еще через минут двадцать мне удалось подчинить себе свое тело, и я решил осмотреться. В избе было темно, окна, если они и имелись, то функцию свою не выполняли, так как были завалены снегом, да и на улице, честно говоря, стало совсем темно, и я был особенно рад найти ночлег. Первым

делом мне надо было найти свечу, либо еще что-то, что помогло бы мне осветить домик. Конечно же, у меня был фонарик в рюкзаке, но проведший на морозе столько времени, светить перестал. Свечей на столе, где лежали спички, я не нашел, но практически по центру моего пристанища, под потолком, висела керосиновая лампа, с трудом я ею овладел и получил долгожданное освещение.

Изба изнутри была полностью пропитана охотничьим духом, не могу сказать, сколько она уже здесь стоит, но чувство у меня было такое, что я попал в другой век, и даже в другой мир. Находясь внутри с освещением, я разобрался, что изба сделана из цельных деревьев, иными словами из сруба, печь все больше разгоралась, жаркий воздух от нее в сочетании с материалом избы выдали потрясающий аромат. Закрыв глаза, я на мгновение отстранился от недавней ситуации, приключившейся со мной. Ощущение было такое, что я нахожусь внутри старого дерева, защищенный, как будто усыновлённый могучим и мудрым деревом, здесь я действительно чувствовал себя в безопасности.

Более половины избы занимало спальное место, выполненное из длинных досок, при желании на нем могут с легкостью уместиться пять человек, а таких как я шесть, а то и семь, ножками служили чурки.

В углу стояла уже полюбившаяся мне печь и рядом небольшой столик со скамейкой. Над столом висела полка, на ней находились, вероятно, оставленные опытными охот-

никами для таких как я – затерявшихся путников: заварка, сахар, спички и папиросы, так же чуть ниже этой полки на гвоздь были приколоты клочки бумаги. Изучив написанное, я понял, что это записки с благодарностями сему "приюту", от людей, которые пользовались его щедростью, под благодарностью также стояла дата написания, а на некоторых – имена.

Изучая избу, одновременно я подкидывал дрова в печку. Печь была сделана на славу, и через полтора часа я смог снять с плеч свой рюкзак и даже скинул куртку. Стало жарко.

Я счастливый сидел на против печки и улыбался избе, а она, как я чувствовал, улыбалась мне.

Пришло время подкрепиться и устроить спальное место, у меня для этого было все необходимое. Спальный мешок всегда при мне, я раскинул его на нары и расстегнул полностью, что бы он набрался теплом. Поужинав, я заметил, что окна оттаяли полностью, и не поверил своим глазам – с улицы в избу пробивался свет, оттого здесь стало очень светло, несмотря на то, что уже наступила ночь. Мне стало жутковато. Я накинул куртку на плечи, отворил дверь в избе и, сделав шаг на улицу, обомлел. Меня встретило звездное небо, оно было такое яркое, можно было увидеть любые созвездия, практически не было темных тонов, одни звезды. Я понял, что и небо улыбается мне. На глазах моих выступили слёзы, словами я никогда не смогу передать то волнение, охватившее мою душу в те февральские сутки.

Теперь вы, наверное, поймете, почему на простой вопрос – что такое любовь, жизнь и свобода, я вдумчиво и так застенчиво предаюсь тишине?..